

6510

8061

5076

А. М. КУЛИШЪ.

Ганна Барвинокъ.

По поводу сорокалѣтїя ея литературной дѣятельности.

НИБУ

Очеркъ Ф. Гринченко.

Черниговъ, 1901.

Земская Типографія.

HIBLY

[Red scribble]

НИБУ

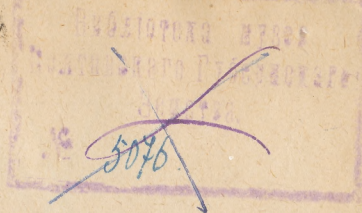
HIBU

83

6510

99 [Кулиш]; 891.79.09

Б 24

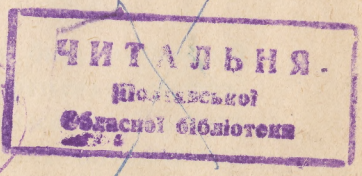
А. М. КУЛИШЪ.

8/c)
Г 855

Ганна Барвинокъ.

По поводу сорокалѣтїя ея литературной дѣятельности.

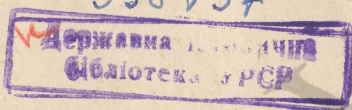
Очеркъ Ф. Гринченко.

Черниговъ, 1901.
Земская Типографія.

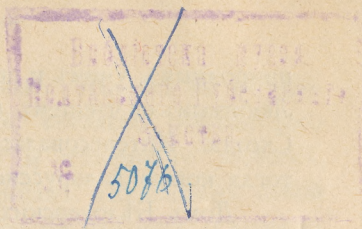
35183

538457

8P

Цензурою дозволено. Москва, 3-го января 1901 года.

А. М. Кулишъ.

Ганна Барвинокъ.

(По поводу сорокалѣтїя ея литературной дѣятельности).

I.

Въ 1860 году, въ альманахѣ «Хата», впервые появилась подъ двумя рассказами подпись «Ганна Барвинокъ». Этимъ псевдонимомъ подписалась Александра Михайловна Кулишъ, жена извѣстнаго писателя П. А. Кулиша и сама талантливая писательница.

Какъ и ея мужъ, г-жа Кулишъ уроженка Черниговской губерніи: она родилась 23 апрѣля 1828 г. подъ Борзною, въ х. Мотроновкѣ, гдѣ живетъ и до настоящаго времени. Хуторъ этотъ основанъ ея отцемъ, Михаиломъ Бѣлозерскимъ, среди стараго лѣса. Земля досталась ему за женою, въ честь которой хуторъ и названъ былъ Мотроновкой.

Наша писательница въ дѣтствѣ была любимицей всей семьи—какъ родителей, такъ и братьевъ и сестеръ.

Отецъ г-жи Кулишъ хотя и учился въ Кіевской духовной академіи, но былъ большимъ почитателемъ Вольтера. Вообще по уму и образованію онъ стоялъ значительно выше малообразованнаго борзенскаго панства того времени. Онъ служилъ уѣзднымъ комиссаромъ и предводителемъ дворянства. Мать писательницы, изъ рода Рыбъ и Селевичей, дочь козацкаго сотника, извѣстна была какъ замѣчательная хозяйка, одаренная большимъ

природнымъ умомъ и поэтическимъ мягкимъ характеромъ. Любимымъ ея чтеніемъ были переводы романовъ Вальтера Скотта. Интересовалась она также едва начинавшеюся тогда новою малорусскою литературою.

Домъ Бѣлозерскихъ, по языку и обычаямъ, не разорвалъ окончательно всѣхъ связей съ народной массой. Матрона Бѣлозерская любила малорусскій языкъ, народныя пѣсни и тѣ старинныя обычаи, на почвѣ соблюденія которыхъ сходилось старое малорусское панство съ народомъ. Благодаря этому г-жа Кулишъ въ дѣтствѣ постоянно слышала изъ устъ матери народныя малорусскія пѣсни и сказки. Отъ нея-же, какъ бы по наслѣдству, получила Ганна Барвинокъ то замѣчательное умѣнье разговаривать съ «простонародіемъ», среди котораго говорить о ней: «слово мовъ тобі зъ устъ виймае». Впрочемъ, и ея отецъ былъ извѣстенъ своимъ умѣньемъ рассказывать и, говорятъ, для того, чтобы его послушать, часто картежники бросали карты, а молодежь танцы.

Дѣвочкѣ было пять лѣтъ, когда впервые ее постигло большое горе: умеръ отецъ, любимицей котораго она была. М. Бѣлозерская оказалась въ затруднительномъ положеніи. Выйдя замужъ четырнадцати лѣтъ, она теперь осталась вдовою съ шестью сыновьями и тремя дочерьми (изъ послѣднихъ одна, впрочемъ, уже вышла замужъ).

Сперва А. М. Кулишъ училась дома. Чтенію и письму училъ ее крѣпостной слуга. Необходимо было заботиться и о дальнѣйшемъ образованіи дѣтей, и М. Бѣлозерская должна была отвезти двухъ дочерей—старшую Надежду и шестилѣтнюю будущую писательницу—къ своей пріятельницѣ, тоже вдовѣ, воспитанницѣ Смольного института, Ольгѣ Ивановнѣ Козаковой въ ея сельскій пансіонъ (въ с. Крапивномъ Прилуцкаго уѣзда Полтавской губ.). Козакова, не желая никому поручать воспитанія своей единственной дочери, учила ее сама, взявъ для компаніи ей десять дѣвочекъ. Такимъ образомъ у нея составился маленькій пансіонъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ А. М. Кулишъ отзывается о Козаковой съ

большимъ уваженіемъ и любовью. Жилось ей въ пансіонѣ очень хорошо. Дѣвочекъ, согласно обычаю того времени, учили французскому и нѣмецкому языкамъ, пѣнію, игрѣ на фортепіано и танцамъ. По словамъ самой г-жи Кулишъ, мать отдала ее въ пансіонъ главнымъ образомъ затѣмъ, чтобы старшая сестра не чувствовала себя одинокою, училась же она немного, такъ какъ была еще мала.

Хотя г-жа Козакова и была для провинціи образцемъ хорошаго тона, но любила украинскія народныя пѣсни и съ удовольствіемъ читала произведенія Котляревскаго, Артемовскаго-Гулака и В. Забѣлы, сосѣда и родственника Бѣлозерскихъ. Но все это читалось въ ея комнатѣ и не при воспитанницахъ. Послѣднія какъ то подслушали это, и Надежда Бѣлозерская начала разговаривать по малорусски. Однако, узнавъ объ этомъ, Козакова, не смотря на свои симпатіи къ малорусской поэзіи, запретила панночкамъ говорить «по мужицки», и повѣсила виновной на шею дощечку съ надписью: «Pour avoir parler russe».

Дѣвочкамъ не пришлось долго учиться у Козаковой, такъ какъ она неожиданно умерла, и ихъ взяли домой. Александрѣ Михайловнѣ въ то время было двѣнадцать лѣтъ. Ее отдали въ пансіонъ Принцлейна въ Конотопѣ, но онъ вскорѣ былъ закрытъ; тогда Бѣлозерская взяла на домъ учительницу нѣмку, у которой дѣвочка еще немного поучилась, но на четырнадцатомъ году образованіе ея было уже закончено.

Еще въ дѣтствѣ она интересовалась хозяйствомъ, а теперь съ увлеченіемъ помогала матери въ ея хозяйственныхъ хлопотахъ. Постоянныя сношенія панночки Бѣлозерской съ народомъ дали ей возможность хорошо изучить сельскую жизнь «Тоди,—говоритъ одинъ изъ ея біографовъ,—здобула вона соби скарбы простолюдного побуту, що розсыпани такъ щедро въ її оповиданняхъ на здобычъ и самій этнографіи».

Занятія хозяйствомъ, чтеніе, пѣніе (она очень любила пѣть), сельскіе знакомства, да изрѣдка какой нибудь

провинціальный балъ, на который она ѣздила со старшей сестрою,—этимъ исчерпывалась жизнь подроставшей дѣвушки. Измѣнилась она, кажется, съ лѣта 1843 года, когда къ Бѣлозерскимъ пріѣхалъ погостить товарищъ брата Василя, впоследствии редактора «Основы», Пантелеймонъ Алекс. Кулишъ. Онъ началъ часто бывать въ Мотроновкѣ, гдѣ для него всегда была приготовлена комната; тамъ онъ работалъ, между прочимъ, надъ «Черною радюю».

Александръ Михайловнѣ было пятнадцать лѣтъ, когда она познакомилась съ Кулишомъ. Онъ сначала, кажется, больше интересовался ея старшею на два года сестрою, хотя для нихъ обѣихъ написалъ исторію Украины и нарисовалъ портреты девяти гетмановъ. Между тѣмъ старшая сестра вышла замужъ, а меньшая, хотя и мало разговаривала съ Кулишомъ (онъ казался ей для этого слишкомъ высокимъ), заинтересовала его своими письмами къ брату Василю, которыя тотъ давалъ ему читать. Однако послѣдовавшее затѣмъ его сватовство къ ней встрѣтило отказъ матери, которую не удовлетворяло его не вполне опредѣлившееся служебное положеніе. Кулишъ уѣхалъ изъ Мотроновки, но черезъ годъ, въ 1847 году, заѣхалъ туда снова, по дорогѣ изъ Петербурга за границу, и повторилъ предложеніе. На этотъ разъ мать дала свое согласіе. Вѣнчаніе произошло 22 января 1847 года въ с. Оленовкѣ (вблизи Мотроновки). «Бояриномъ» былъ Тарасъ Шевченко, какъ говорятъ, долго потомъ берегшій цвѣтокъ, прищипленный ему невѣстою. По возвращеніи молодыхъ изъ церкви, онъ встрѣтилъ невѣсту словами народной пѣсни:

— Чы ты паривна, чы королівна?

На что женихъ шутя отвѣтилъ:

— На чужый коровай очей не порывай, да соби дбай.

Послѣ свадьбы счастливая пара выѣхала вмѣстѣ съ В. М. Бѣлозерскимъ въ Варшаву, откуда предполагалось ѣхать за границу,—туда посылала Кулиша Академія Наукъ.

Но это былъ роковой для многихъ 1847-й годъ.

Нѣтъ надобности рассказывать здѣсь исторію Кирилло-Меѳодіевскаго братства: о немъ подробно рассказано въ біографіяхъ Кулиша, Шевченка, Костомарова и въ иныхъ сочиненіяхъ *).

Кулиша арестовали въ Варшавѣ и увезли въ Петербургъ. Его женѣ совѣтовали ѣхать домой, предлагали даже казенные прогоны на дорогу, но она поспѣшила туда, куда увезли ея мужа...

Пробывъ въ Петербургѣ тяжелое время слѣдствія и пребыванія мужа въ тюрьмѣ, А. М. Кулишъ уѣхала вмѣстѣ съ нимъ въ Тулу, куда онъ былъ высланъ. Съ этого времени ея біографія неразрывно сплетается съ біографіей П. А. Кулиша.

Мы видимъ ее то вмѣстѣ съ нимъ въ Петербургѣ, за границей, на родинѣ; то матеріальныя условія вынуждаютъ ее оставаться въ хуторѣ и заниматься хозяйствомъ, пока мужъ ищетъ себѣ заработка въ столицахъ. Ея хозяйственныя способности очень пригодились въ то время, когда у него не было заработка, и имъ приходилось жить доходомъ съ клочка земли.

Возвратясь въ 1883 году изъ Львова, Кулиши поселились въ Мотроновкѣ. Живя уединенно, они всецѣло употребляли все свободное отъ хозяйственныхъ заботъ время на литературныя работы. Въ этотъ періодъ г-жею Кулишъ написано было большинство ея рассказовъ (нѣкоторые еще не напечатаны), хотя она, какъ всегда, вынуждена была большую часть своего времени отдавать хозяйству, доходами съ котораго они преимущественно жили.

Послѣ смерти мужа г-жею Кулишъ предпринято изданіе его сочиненій **).

*) См. также и мой очеркъ: «П. А. Кулишъ», печатавшійся первоначально въ № I. «Земскаго Сборника Черниговской губ.» за 1899 годъ.

**) Вышло нѣсколько томовъ въ Россіи и Австріи.

II.

Въ предисловіи къ появившимся въ альманахѣ «Хата» разсказамъ Ганны Барвинокъ: «Лыхо не безъ добра» и «Въ осени лито» П. А. Кулишъ говоритъ относительно ихъ происхожденія, что авторъ прислушивался къ разговорамъ людей въ селѣ и записалъ ихъ. То-же говоритъ и сама Ганна Барвинокъ: П. А. Кулишъ просилъ ее записывать то, что она видитъ и слышитъ вокругъ себя, и училъ ее, какъ это дѣлать.

Такимъ образомъ Ганна Барвинокъ въ своихъ разсказахъ даетъ намъ записи о дѣйствительно встрѣченныхъ ею фактахъ народной жизни.

Насколько же записи эти соотвѣтствуютъ дѣйствительности?

Каждый человѣкъ по своему воспринимаетъ и объясняетъ себѣ факты окружающей жизни. На одно у него есть глазъ, на другое нѣтъ: одно онъ можетъ замѣтить, другого замѣтить не въ состояніи. Происходящее, напр., среди группы людей явленіе наблюдается каждымъ съ *своей* точки зрѣнія и только съ этой своей точки оно каждымъ и воспринимается, при чемъ все, что можетъ быть видимо только съ другого пункта, для даннаго наблюдающаго остается неизвѣстнымъ. При этомъ можетъ быть такая неблагопріятная точка зрѣнія или вообще такія условія наблюденія, что послѣднее будетъ крайне недостаточнымъ и недоброкачественнымъ. Но очень часто незнаніе именно то-

го, что осталось для наблюдателя незамѣченнымъ, можетъ обусловить собою совершенно неточное объясненіе себѣ самому совершившагося явленія, а потому и невѣрную передачу его другимъ людямъ. Воспринявъ только *свою* часть явленія и претворивъ ее въ своей головѣ, человѣкъ пересказываетъ потомъ людямъ не то, что было въ дѣйствительности, а то, что образовалось въ его сознаніи какъ результатъ видѣннаго и слышаннаго. Онъ предлагаетъ уже нѣчто пересозданное,—не объективный фактъ, а субъективное созданіе. И это даже въ томъ случаѣ, когда имѣетъ намѣреніе какъ бы фотографировать дѣйствительность.

Что касается списыванья съ народной жизни, то здѣсь задача еще усложняется. «Не всяке зъ пысьменныхъ»,—говоритъ П. Кулишъ,—«выбере до дружнѣи розмовы красомовну просту людуну, не всяке й до себе прынадыть по братерськи, бо до того потрібни не ласкави сливця, не грощи або подарунки»,—для этого нужны особая способность и умѣнье. Ганна Барвинокъ въ достаточной степени обладаетъ и тѣмъ и другимъ, и, благодаря этому обстоятельству, мы и имѣемъ ея рассказы.

«Ще жъ сього мало,»—говоритъ дальше Кулишъ,—«треба ще вмити vybrати, що записати зъ якихъ ричей, а що й видкнуты. Не коженъ бо зъ сихъ красомовныхъ людей слово до слова, якъ чысте золото до золота, сыпле. Треба зробити гарный выбирь, тоди й буде пшениця безъ половы й куколю».*) Но выборъ тоже вещь субъективная: что одинъ возьметъ, то другому покажется не заслуживающимъ вниманія.

И такъ, даже и въ рассказы, стремящіеся быть точною записью видѣннаго и слышаннаго, вносится обыкновенно много субъективнаго, авторскаго. Нельзя не

*) Хата, 94.

признать, что у Ганны Барвинокъ такого субъективизма меньше, чѣмъ у другихъ писателей. Свое стремленіе къ объективности она иногда доводитъ до того, что, во вредъ художественной обработкѣ произведенія, даетъ чуть не стенографическія записи разговоровъ своихъ сельскихъ знакомыхъ. Поэтому, принимая все вышесказанное какъ необходимый коррективъ, можно изучать рассказы Ганны Барвинокъ какъ интересный матеріалъ для характеристики жизни нашего народа. Эти небольшія картинки пріобрѣтаютъ еще большую цѣнность, если примемъ во вниманіе, что писательница присматривалась къ народной жизни и изображала ее въ теченіе долгаго періода—около сорока лѣтъ: съ эпохи дореформенной и до послѣдняго времени.

Въ ея рассказахъ мы не встѣтимся ни съ широкими социальными движеніями, ни съ горячими взрывами чувства народной массы,—ея специальность, за небольшими исключеніями,—семья, семейная жизнь. А въ семейной жизни больше всего занимаетъ ее *жизнь женщины*, женское горе. Какъ женщина, она можетъ съ бѣльшей точностью передавать движенія женской души.

Читая одинъ за другимъ эти рассказы про женское горе, невольно подумаешь: какимъ трудолюбіемъ, терпѣніемъ, силой, энергіей обладаетъ эта простая, неученая женщина! Работа съ утра до вечера, въ продолженіе всей жизни, временами голодъ и холодъ, брань свекрухи, побои пьянаго мужа, хозяевъ!.. Прочтите *Пьяницу*.

«Бѣе винъ мене, абы я озвалась, шо люде роботы нанесли,—може бѣ винъ шо вробывъ. Колы не кулакомъ, то словомъ прыснопыть. Никого й соромытьсь: насъ двое. Шо-дня вже за мене береться... Бѣе и пѣе до загну... Колы яка копійка йому трапытьсь, винъ у тій беседи ии й посадить... Сыдыть у шынку, не йде до мене... Позычу було грошей, та й виддамъ своїмы... Було кажу: «Слухай, Грыцю! якъ ты пусто йдешъ, то й я пусто пиду!» Винъ мене коромысломъ якъ опереже!.. А я другою дивчыною ходыла... Усе, шо мала,—позакла-

дала та попродава... Заходывся: моя хата! Та ще затявѣи продаваты. Я пишла до громады просыты, щобъ видстоялы, а послаи и до судьи. Ну, вже винъ мене колинчывъ, колинчывъ писля сього»...

И такъ всю жизнь, каждый день въ жизни! Отъ такой жизни убѣгають, вѣшаютъ, топятъ! И однакоже она вытерпѣла эту жизнь, выростила и воспитала дѣтей, наполнила приданнымъ «скрыни» дочкамъ и его, пьяницу пропадаго, кормить. Сколько нужно для этого силы и энергii!

Или возьмемъ героиню разсказа «Молодыча боротьба», повѣствующую про свою женскую борьбу. Сирота вольная вышла замужъ за крѣпостного и получила за это прозванiе «панськой помыйныци». Но жизнь разбита въ самомъ началѣ: мужъ и двое дѣтей умерли. Отдала тетка за другого, не спрашивая ея желанiя: «пхыць за першого!» Своей хаты нѣтъ, живутъ въ чужой. А вотъ ихъ богатство: «У синяхъ стоить кишъ изъ борошномъ; на горыщи два винкы цыбули, рукавецъ пшо-на; гарбузы пидъ поломъ у хати, у торбоччи губъ трохы сухыхъ та й симня трохы на коржи баба сповытуха дала онукамъ». Столомъ служитъ «скрыня»... Сковороды не было, такъ панычъ Коровай подарилъ печную вьюшку: отбили ушко и стала сковорода. Каждый день въ тяжелой работѣ, а заработка едва хватаетъ, чтобы не быть голодными и раздѣтыми. Вѣроятно отъ такой тяжелой жизни огрубѣли, заплѣсневѣли и душа, и умъ у этой женщины? А вотъ что говоритъ она: «Я зъ долею та й зъ людьмы боролась та нибы й гирку долю поборола и людськый недорозумъ». Такъ не говоритъ придавленная, полумертвая душа, такъ можетъ говорить только душа живая, энергическая. И дѣйствительно не убили ее всѣ ея несчастiя, всѣ ежедневныя заботы о кускѣ хлѣба не подавили работы ума. Эта женщина имѣетъ свой, сознательно выработанный, взглядъ на жизнь, на отношенiя между людьми, на воспитанiе дѣтей. У нея цѣлая теорiя воспитанiя, и она проводитъ ее въ жизни.

Прочтите *Короливищину*, *Не було змалку, не буде й до останку*, *Лыхо не безъ добра*, *Въ осени листо*—вездѣ женщина поражаетъ своею энергією и душевною силою. Прочтешъ въ *Лыхо не безъ добра* исторію тяжелой сиротской неволи и труда и вмѣстѣ съ Кулишомъ, удивишься, какую «тыху, ясную душу вынесла зъ пидъ чужой кормыгы» героиня разсказа. А *Не було змалку* или *Перемола*—это поэмы женской энергіи, постоянства и вѣрности своей цѣли. Женщины съ такими характерами дѣлаются героинями—тамъ, гдѣ есть мѣсто геройству...

Такія женщины должны быть умны. Въ разсказахъ Ганны Барвинокъ наша женщина является очень умной и съ сильно развитымъ поэтическимъ чувствомъ. Это видно и по ея языку—остроумному, выразительному, образному. Если женщина молода и весела,—ея рѣчь такъ и блещетъ остроуміемъ—напр. у Параски Духанивны (*Хатне лыхо*); если она солидна,—какъ напр. Харытына (*Перемола*) или героиня *Молодычои боротьбы*, то изъ устъ ея слышите серіозное, умное нравоученіе. Она знаетъ о вліяніи словесныхъ произведеній на людей и пользуется этимъ вліяніемъ въ своихъ цѣляхъ. Обманутая любимымъ человѣкомъ героиня «Короливищны» живетъ, со своимъ незаконорожденнымъ ребенкомъ, у крестнаго отца. Онъ укоряетъ ее за ея проступокъ. Она думаетъ: «Хыба жъ воно (дитя) не божый твирь?.. Та щобъ доняты якъ небудь хрещеного мого,— а винъ бувъ соби побожный, що й казаты!—отъ я, щобъ його навесты на праведнійшу думку, взяла й зложила тыхцемъ писню про таку жъ, якъ и я, нещаслыву людыну, про Уляну Сотныкивну, що втопыла свою дытыну-безбатченка».

Запѣла она свою пѣсню.

«Що се за писня? чы не про Уляну Сотныкивну се вже прыложено?—обиззався старый зъ нехтуваннямъ.— А вже жъ,—кажу.—Бачте! Я не пишла робомъ Улянымъ, а дытыну выкохала, якъ,—мовляете,—«душу живу». (А винъ, царство йому небесне, було й зъ Библии святой мени почытуе).

Отъ и годи зъ того часу прыжытнымъ мени дорикаты».

Кажется, что слушаешь совсѣмъ интеллигентнаго человѣка. Только когда вспомнишь наши народныя женскія пѣсни, проникнутыя благородствомъ и интеллигентностью чувства, и догадаешься, что создательницы ихъ *не могли-бы* ихъ сложить, если бы сами не обладали благородствомъ и интеллигентностью чувствъ,—тогда повѣришь, что это говоритъ простая «мужичка». Эта наша «мужичка» хоть и проводитъ свою жизнь среди лишеній, въ тяжелыхъ условіяхъ малокультурной жизни, но отъ нея всегда вѣтъ поэзіей. Трудъ и пѣсня у нея неразлучны. И даже обыденная рѣчь ея по большей части такъ образна, такъ поэтична, что незамѣтно переходитъ въ пѣсню.

«Пидеешь на музыки, та вернувшись якъ почнешь плакать, въ сыру землю бытысь!..

Люде веселяться, долю мають, а мы робымо и годымо, та намъ и свить, здається, не свитыть. Дивчата якъ ти бджилки гудуть, бо въ ихъ думокъ веселыхъ багато, надіи та надіи. Якъ та веселка цвитами процвітає... А намъ и вбиратысь не вильно. Дарма, що въ скрыни якъ налыто, земли важко, а мы въ старому йдемо, мовъ зъ довгою рукою старци пидъ церкву,—йдемо дывытысь на людей, якъ вони веселяться».*)

А вотъ какъ говоритъ несчастная «русалка», Олена Дидусивна: «Охъ, та й тяжко жъ мени спомынаты про мое щасте, паніечко моя! Мабуть чы не важче, нижъ про нещасте. Бо въ нещасте сама я вбрела и вплыла, ниhto не пидмывавъ мене, а щасте втекло хутко, мовъ та пташка, що крылечкамы стрепенула, въ темни лугы полынула. Слухайте жъ бо такы, не роните доброи слюзы, не вважайте на мене, що я, дурна, плачу».**)

Еще немного—и это будетъ пѣсня.

Высокая и чистая поэзія неизмѣнно соединяется съ благородствомъ души, и это благородство, всегда живущее

*) «Квитки зъ слюзамаы, слюзы зъ квиткамы». Рада, II, 209.

**) «Русалка». Киевск. Стар., 1889, VI, 91.

въ лучшихъ женскихъ душахъ нашего народа, дозволяетъ необразованной, *некультурной*, какъ называютъ такихъ людей, женщинѣ сказать сознательно: «Честь мыйша жызни»...*)

Какова же семейная жизнь украинки-селянки и какъ она на нее смотритъ?

Тутъ поэзія и проза такъ тѣсно между собой переплелися, что иногда нельзя показать, гдѣ кончается одна, а гдѣ начинается другая. Что можетъ быть прозаичнѣе замужества героини *Лыхо не безъ добра?* Она своего мужа до сватовства не видѣла, не протестуя, по приказу, пошла за него; а онъ—«бачывъ,—каже,—на поли, якъ жала; въяже добре, а тутъ люде нараялы жєнытысь; я й ожєнвєся». Жєнєлєся потєму, что «дєбрє въяжє». И жєзнє ихъ такая простая, будничная. Вотъ какъ героиня сама о ней рассказываетъ: «Гомонить винь до мене, а я—усє мєвчє. Воно помижъ народомъ плєнталось, да й бачыло доволи, дакъ и говоритъ до мене, а я усє сорємляюсь, усє мєвчє. Я й рєблє, да мєвчє: и сорємно мєнє, и страшно, и що воно, и якъ його!..

Було чоловикъ устанє да й будыть мєнє:—Пиды, кажє, Галєчкє, подій коривку!

А я кажє:—Да я вжє подоила.

Абє: Ты бѣ пополола бурячки, Галєчкє.

А я вжє й повыполєвала. Я все, все зрєблє, да тилькє не гємоню,—сорємляюсь.

Отсє вжє навпислє, якъ познакомылєся, то щє було й його вчє якъ косыты: «Оттакъ, кажє, оттакъ!» Винь бувъ убогый соби сырєта, усє ходывъ по наймахъ, у чумакахъ да въ чабанахъ, дакъ не доводылєсь йєму косыты.

Богъ йєму спємигъ: винь соби й хату розгорювавъ, и людє йєго не цуралєсь. Було попрыходять зєвыци, сусиды, да посидаютъ, балакають, то я й обивзусь; а то сорємляюсь. Отъ вєны почнуть:

*) Рада, II, 208.

— Да вона въ тебе скоро вмре. Бачъ, яка хыстка.

— Ни, каже, мы ии будемо жалуваты, то вона и бу-де въ насъ жыты».

Отъ этихъ будничныхъ разговоровъ вѣтъ, однако, поэзіей, что составляетъ заслугу автора: дать поэтиче-ское описаніе проявленія горячаго чувства или необык-новенной красоты не трудно,—гораздо труднѣе опоети-зировать будничную жизнь.

Но не для всѣхъ время любви и выхода замужъ проходитъ тускло и сѣро.

Въ такихъ разказахъ Ганны Барвиномъ, какъ *Хат-не лыхо*, *Вирна пара* видимъ инья картинки любви и выхода замужъ. У богатоодаренныхъ духовно дѣвушекъ это чувство расцвѣтаетъ роскошнымъ цвѣткомъ. Геро-ини разказовъ *Не було зъ малку, не буде и до станку*, *Перемогла*, *Русажка* отдаются ему всецѣло, украшаютъ его всѣми цвѣтами своей поэтической души и всею своею жизнью поютъ хвалебный гимнъ могучему мучи-тельно-сладкому чувству...

Наконецъ всѣ препятствія преодолены, пара соеди-нилась. Какова-же ея жизнь?

Всякая бываетъ: хорошая, озаренная—даже среди горя и бѣдности—отблескомъ высшаго свѣта, какъ, напр., въ разказѣ *Перемогла* или *Не було змалку*, или даже и въ *Молодычій боротьби*; бываетъ темная, тяжелая, съ по-боями и руганью; такая жизнь выпала на долю несчаст-ныхъ героинь *Хатного лыха*, *Жиночого бидування*, *Пья-ныци*. Обыкновенно страдающей стороной бываетъ жена, хотя многа случается и мужу быть несчастливымъ изъ-за жены—или потому, что она плохая хозяйка (*Вирна пара*, *Молотники*), или изъ-за ея невѣрности (*Половин-щикъ*).

Неодинаковые взгляды на супружескую жизнь были среди народа въ началѣ шестидесятыхъ и въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ.

Старый крестьянинъ, въ разговорѣ съ священни-комъ, вспоминаетъ, какъ онъ жилъ со своею женою: они никогда другъ на друга даже *ты* не сказали.

— И вы такы, шануючы васъ та й Бога, батюшечко, жалуйте свою стару и не кажить на ии ты... (*Наизъ дидъ и пинъ*, Основа, 1862, IX, 101).

А современный Хвастыкъ, грозя женѣ побоями, говоритъ:

— Такъ шкура на тоби й запыть! Ты моя: я тебе закупывъ за тры копійкы ще у твоеи матери.*)

Тяжело было положеніе женщины и въ прежнее время. Параска Духановна очень обидѣлась на своего большого и вспыльчиваго мужа за то, что онъ, возвратясь домой, при чужихъ людяхъ, не поздоровался съ ней, выругалъ да еще и кнутомъ за нею вслѣдъ по дорогѣ ударилъ, точно за стадомъ.

— У насъ, бачте,—поясняетъ рассказчица,—дома безъ людей хочъ въязы зверны. Жинка—якъ та голубка: хочъ и тяжко наругу терпится, а на самоти все знесе видъ любого чоловіка, покирна буде; а пры людяхъ—и не посварысь.**)

Теперь этого нѣтъ. Въ рассказахъ Ганны Барвинокъ культурность нашего народа идетъ не впередъ, а назадъ: Хвастыкъ (*Пьяныця*) не стыдится публично оскорблять и колотить свою жену,—мы уже видѣли, какова ея жизнь. Такое положеніе заставляетъ жену возмущаться противъ правъ мужа надъ нею:

— На що Богъ давъ такой законъ крипкий? И роду й прароду закажу, щобъ не ходылы замижъ.*)

Но и тогда, въ старину, и теперь одна черта женскаго характера поражаетъ насъ: это безграничная сила всепрощенія. Какъ ни мучать мужья Параску (*Хатне лыхо*) или Стеху (*Пьяныця*), но не могутъ побороть этой силы. Исторія Стехи—это исторія прощенья.

*) *Пьяныця*. Складка, № 1, 198.

**) *Хатне лыхо*. Основа, 1861, X, 79. Намъ кажется, что въ этомъ рассказѣ, не смотря на прекрасныя детали, сумасшествіе героини и конецъ не достаточно мотивированы.

Оно переходит въ самопожертвованіе, когда дѣло касается дѣтей. Хоть и тяжело съ дѣтьми, если ихъ много, но они нашей матери всегда дороже всего на свѣтѣ. Нѣтъ такихъ ласковыхъ словъ, такихъ нѣжныхъ заботъ, которыхъ мать не проявила бы къ своему ребенку. Ради дѣтей она,—какъ напр. Стеха,—терпитъ всякое горе, всякія муки. Впрочемъ, эта черта слишкомъ всѣмъ извѣстна, такъ что для подчеркиванія ея нѣтъ надобности приводить примѣры изъ рассказовъ писательницы. Но не могу обойти молчаніемъ другой черты, не могу не указать на истинно-гуманный взглядъ женщинъ Ганны Барвинокъ на «покрытокъ» и ихъ незаконно-рожденныхъ дѣтей. «Хыба жъ воно не божый твиръ?»—говоритъ героиня *Короливицны* о такомъ ребенкѣ, сама не зная, до какой высоты и широты взгляда на жизнь подымается она, высказывая такую мысль. А Стеха-мать: какъ тяжело ей было знать, что ея незамужняя дочь готовится сдѣлаться матерью! И, не смотря на это, она говоритъ:

— А я ии уже и не турбую, моеи бидной Катруси, щобъ уже благополучно знайшла.*)

Быть можетъ, Г. Барвинокъ можно упрекнуть въ нѣкоторой идеализаціи нашей крестьянской женщины. Но, впервыхъ, рядомъ съ этими симпатичными лицами, она показываетъ и инья,—какъ напр. мать Онылки (*Вирна пзра*), жену *Половинщика*, невѣстку въ *Лыхо не безъ добра* и другихъ. Да и самыхъ лучшихъ изъ нихъ не могло не коснуться неизбежное вліяніе среды: умная и поэтическая героиня *Короливицны* вѣритъ въ существованіе вѣдьмъ, а энергическая вѣрная Харытына (*Перемола*) убѣждена въ томъ, что шинкаръ, съ помощью чародѣйства, можетъ заставить ея мужа ходить въ шинокъ. Вообще нужно сказать, что семейная жизнь нашей крестьянки въ изо-

*) Складка, № 1, 211,

браженіи Ганны Барвинокъ является не отрадной (мужъ бьетъ жену, невѣстка издѣвается надъ сиротой, сынъ подымаетъ руку на отца и т. п.), а темнота и некультурность народная постоянно поражаетъ не только различными суевѣріями, но и еще болѣе печальными фактами,—напримѣръ, знахари сломали ногу прекрасной душою и тѣломъ дѣвушкѣ Настѣ*), поэтической Оленкѣ люди испортили жизнь только потому, что считали ее русалкой (*Русалка*). Вовторыхъ, нельзя не сказать и слѣдующаго есть правда и въ томъ, что говоритъ Ганна Барвинокъ и въ томъ, что сообщаютъ авторы, изображающіе крестьянскую женщину въ болѣе отрицательномъ свѣтѣ; не сходятся-же они только потому, что каждый рисовалъ со своей точки зрѣнія; неодинаковы точки, неодинаково съ каждой и видно. А мыслящій читатель пусть соединяетъ и примиряетъ эти неодинаковыя, съ разныхъ сторонъ сдѣланныя, изображенія,—для того, чтобы выработать себѣ истинный взглядъ на предметъ.

III.

Бросимъ еще бѣглый взглядъ на главные рассказы Ганны Барвинокъ, не разсмотрѣнные выше.

Въ осени мѣто—это рассказъ старика о томъ, какъ онъ во второй разъ женился. Онъ очень любилъ свою первую жену и его «смертельна нудьга брала послѣ покойной. А тутъ бабы: «Шукай, Иване, соби пары. Не довикуешъ ты такъ вику. Се въ тебе мабуть така натура, що самотою тобі не прожыты». И дѣйствительно у него такая натура. Онъ встрѣтилъ себѣ пару—вдову Ольгу. Художественно и правдиво изображаетъ писательница чувства полюбившаго старика-крестьянина:

«Чого жъ се воно мени такъ? Увесъ той сумъ мовъ чарамы видвело мени. И на вози мени не сыдыться... Лучче бъ я пишовъ помижъ нывамы, по обмижкахъ, слухавъ бы якъ жыто шумить, играе колосомъ. Шо вже тамъ ни говорять небижъ, я його не слухаю,—у мене

*) Рада, II, 205.

въ оку жыта, жыта хвылясти... Таке мени привиджуеться, шо Богъ його знае й шо, а самъ такой чогось добрый-добрый зробився! И хочю здержатись, та не впныюсь.

— Оттамъ,—кажу,—небоже, въ тебе хливецъ зовсимъ свитыться, а въ мене два возы лозы зосталось видь весны; прийдешъ, такъ заберешъ.

И самъ не стямывсь, якъ выхопылось сее слово.

— О, спасыби жъ вамъ,—каже,—дядечку!..

Говорыть, а я вже його й не слухаю, да ище думаю: Жыве коло мене убога вдова, розгорыла соби мазанку зъ весны. Треба ий послаты мирочокъ зо дви жытця на новосилле та цямынку въ колодизь ий упустыты. У неи тилько хата нова, а хазяйства нїякого... здається й курка не ходыть; а города того крыхта, шо ни за шо й рукъ зачепыты старостю. Ище жъ, думаю, треба и старця божого Архыпа запомогты... Думаю, а вона мени, отся Ольга, з передь очей не сходыть»... (Хата, 168—169).

Здоровою молодою жизнью вѣсть отъ этого будто бы осеняго лѣта.

Съ Волини и Съ дорои (Основа, 1861, I и II)—путевыя замѣтки по русски, съ малорусскими діалогами. Въ первомъ рельефно изображены крѣпостной Остапъ, нанятый паномъ къ еврею въ корчму сторожемъ, и издѣвательства корчмаря надъ нимъ; во второмъ интересна фигура веселой, привѣтливой, гостепріимной вдовы Гальки.

Сыритський жалъ (Основа, 1861, III)—первая редакція *Короливицныни*; здѣсь, между прочимъ, очень идеализированы отношенія помѣщиковъ къ крѣпостнымъ.

Жизнь въ одномъ селѣ (Основа, 1862, VIII)—автобіографическія воспоминанія—по русски, съ малорусскими діалогами. Лучше всѣхъ вышла солдатка Степанида.

Домонтаръ (Правда, 1869, № 1—5)—идиллическія кратины изъ жизни малорусскаго земледѣльца.

Въ «Кіевской Старинѣ» помѣщено три разсказа Ганны Барвинокъ: *Молотники* (1888, VI), *Половинщикъ* (1888, XII) и *Русалка* (1889, VII). Въ нихъ, по условіямъ печатанія, малорусскими оставлены только разговоры селянъ.

Молотники—живая этнографическая картинка, въ которую вошло много фольклорныхъ матеріаловъ въ видѣ народныхъ разсказовъ и пр.

Въ *Русалкѣ* изображена доля нѣжной поэтической дѣвушки и ея несчастной, но великодушной любви. Здѣсь чувство проявляется съ такою силою, что катастрофа дѣлается неизбѣжной. Чарующій образъ несчастной Оленки Дидусивны и вся ея жизнь, погибшая только по той причинѣ, что люди, отыскавъ ее ребенкомъ въ житахъ, считали русалкой, наводитъ на грустные размышленія....

Половинщикъ имѣетъ сюжетомъ невѣрность жены. Авторъ къ герою этого разсказа, Харченку, приурочиваетъ извѣстную сказку о томъ, какъ мужъ, въ кулѣ соломы, внесенъ былъ въ хату въ то время, когда жена его угощалась съ другимъ; мужъ выскочилъ изъ соломы, побилъ жену и ея гостя и т. д. Въ разсказѣ всѣ эти факты являются частью совершенно реальнаго повѣствованія.

Эта сказка принадлежитъ къ циклу разсказовъ о невѣрной женѣ и сюжетъ ея бродячій: онъ встрѣчается, кромѣ малороссовъ, у великороссовъ, бѣлоруссовъ, поляковъ, французовъ, итальянцевъ, грековъ, въ Месопотаміи, Индіи и т. д. Поэтому очень странно читать, какъ реальный половинщикъ Харченко разсказываетъ маіоршѣ, что онъ будто бы ходилъ къ морю, сидѣлъ въ кулѣ соломы и пр. и пр.

На сказочныхъ мотивахъ, перемѣшанныхъ съ реальными, построены и разсказъ *Забисована дивчына Настуся*. Но Ганна Барвинокъ болѣе реалистъ, и ей лучше не уклоняться въ сферу фантастики.

Слѣдуетъ сказать еще о разсказѣ *Короливыня*. Здѣсь «покрытка» повѣствуетъ о своей долѣ. Вѣра въ вѣдьмъ не мѣшаетъ ей быть, по своему, очень интелли-

гентною (см. выше о ея взглядахъ на незаконныхъ дѣтей, на вліяніе пѣсенъ). Въ этомъ разказѣ отмѣчена интересная черта народнаго характера: *чувство родовой гордости*. Добившись самостоятельнаго положенія въ жизни, героиня начинаетъ собирать «*короливищину*», т. е. наслѣдство послѣ отца (фамилія ея отца—*Король*):

«Де що було дививське, короливське, що працювавъ робивъ мій панотець, повизнаходила: въ кого дныще, въ кого стoлькь чы осличкь, у кого божныкь, чы мотыло або визочокъ,—я вси повымынювала то за пшоно труджене, то видпряду, то поможу конопель типаты або мочыты, да й виддамъ, щобъ короливське добро, дорога мени короливищина не ростикалось.

«Люде було й кажуть: На шо вона отсе робить? Хай бы въ неи була дочка, а то хлопцю! винъ и самъ же майстерный; а то свое замозолене носыть людянь да те паличче збирае.

«А я довго въ панивъ жыла, то й уважала, що вони шо-небудь старе матерыньске або бабыне люблять и хранять»... (61—62).

Но что эта черта не заимствована, видно изъ другого разказа: *Правнучка бабы Борця*. Тамъ женщина гордится своимъ родомъ и старается не унижить его.

Обыкновенная форма разказовъ Ганны Барвинокъ такова, что селянинъ или селянка передають случаи изъ своей или чужой жизни, или авторъ разказываетъ о герояхъ, какъ о своихъ знакомыхъ. Только въ трехъ разказахъ форма изложенія совершенно объективна: *Половинчикъ*, *Молотники* и *Гречаныкы*.

Одни разказы Г. Барвинокъ отдѣланы болѣе художественно, болѣе цѣльны и по сюжету, и по разработкѣ деталей,—это въ тѣхъ случаяхъ, когда она отбрасываетъ все лишнее, не относящееся къ избранному предмету (*Пемола*, *Не було змалку*); въ иныхъ, наоборотъ, много отступленій, разговоровъ, совѣмъ не относящихся къ сюжету разказа, какъ напр. въ *Правнучци бабы Борця* или въ *Молодичій боротьби*, въ особенности въ первомъ: нужно усилен-

ное вниманіе, чтобы не потерять нити разсказа. Присмотрясь внимательнѣе, увидимъ, что именно такъ и разсказываютъ въ селѣ, что это почти стенографическая, чрезвычайно правдивая, запись; но именно потому, что это запись,—это и не творчество. Вообще писательница иногда вредитъ своимъ произведеніямъ, не выдерживая требуемой темой соразмѣрности частей ихъ.

Что касается образовъ, колорита, то они вездѣ очень народны, реальны, правдивы, а стиль и языкъ въ высокой степени народны и прекрасны. Читая ея разсказы, иногда положительно доходишь до иллюзіи: кажется, будто дѣйствительно слышишь дѣйствующихъ лицъ произведенія, видишь ихъ передъ собою.

Всего Ганна Барвинокъ написала болѣе тридцати разсказовъ. Благодаря вышеуказаннымъ ихъ особенностямъ всѣ они представляютъ интересный и поучительный матеріаль для изучающихъ народную жизнь; наиболѣе удачные изъ нихъ принадлежатъ къ лучшимъ образцамъ малорусской литературы.

1900.
Черниговъ.

Б. Гринченко.

НИБУ

5217

НИБУ

НИБУ

ТОГО-ЖЕ АВТОРА!

- Писни та думы. Вирши. Ц. 50 коп.
Хатна въ балци. Оповидання. Ц. 35 к. и 75 к.
Оповидання. Ц. 35 к. и 75 к.
Байны. Ц. 15 коп.
Батько та дочка. Оповидання. Ц. 5 коп.
Пидпаль. Панько. Оповидання. Ц. 3 коп.
Робинзонъ. Оповидання. Ц. 10 к.
Смильва дивчына. Казка виршомъ. Ц. 4 коп.
Середь крыжаного моря. Оповидання. Ц. 8 коп.
П. А. Кулишъ. Біографическій очеркъ. Ц. 25 коп.
Л. И. Глѣбовъ. Біографическій оч. М. Загирней и Б. Г. Ц. 25 к.
Народные спектакли (малорусскіе). Ц. 25 коп.
-
- Страшни забавки. Переробка. Ц. 3 коп.
Колосы. Казки та оповидання. Ц. 12 коп.
У неволи. Оповидання. Ц. 4 коп.
-
- Этнографическіе матеріалы (малорусскіе). Томы 1 и 2—проза. Ц.
за оба—3 р. 50 к. Томъ 3-й—пѣсни. Ц. 3 р. 50 к.
Думы кобзарсьни (народни). Ц. 5 коп. и 15 коп.
Веселый оловидачъ. 200 нар. оповиданнивъ. Ц. 20 коп.
Мудра дивчына. Народня казка. Ц. 5 коп.
Изъ усть народа. Малорусск. нар. рассказы, сказки и пр. (Имѣеть выйти).
-
- Степови квітны. Вирши старыхъ и новыхъ украинскыхъ поэтивъ. Ц. 40 к.
Хвыля за хвылею. Альманахъ. Ц. 1 руб.
Каталогъ Музея Украинскихъ Древностей В. В. Тарновскаго. Томъ
II: Гравюры. Отдѣль Шевченко. Рукописи. (Имѣеть выйти).

Выписывать, кромѣ «Каталога Музея У. Д.», можно отъ автора по такому адресу: Черниговъ, Б. Д. Гринченко.

При выискѣ на 5 руб. скидка въ 25%; при увеличеніи выиски увеличивается скидка. Пересылка на счетъ покупателя.

ЦѢНА 15 КОП.